

Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов

Лепехин Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>, e-mail: n.lepehin@spbu.ru**

Круглов В.Г.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>, e-mail: v.kruglov@spbu.ru**

Круглова М.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>, e-mail: m.kruglova@spbu.ru**

Тихомирова Н.В.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-8800>, e-mail: gipsr.tikhomirova@yandex.ru**

Яшина М.А.

**ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0909-5558>, e-mail: yashina.margarita.99@mail.ru**

Цель. Изучение диспозиционных предикторов конфликтоустойчивости студентов.

Контекст и актуальность. На фоне последствий самоизоляции и ограничений реального общения актуальным является исследование устойчивости к конфликтам как характеристики социального самоопределения. Изучение диспозиционных предикторов конфликтоустойчивости позволяет создать научно обоснованные программы по ее формированию у студентов.

Дизайн исследования. Было изучено влияние выраженности стресса, агрессии, эмпатии, асертивности на конфликтоустойчивость студентов. Проверка статистических гипотез осуществлялась посредством подтверждающего факторного анализа и метода моделирования структурными уравнениями (SEM).

Участники. Выборку составили студенты естественных и гуманитарных факультетов СПбГУ в количестве 205 человек: 156 девушек (76%) и 49 юношей (24%) в возрасте от 17 до 27 лет, медиана – 19 лет.

Методы (инструменты). Тест асертивности личности (В.П. Шейнов); Шкала психологического стресса PSM-25 (Н.Е. Водопьянова); Опросник диагностики эмпатии (А. Мехрабиен, Н. Эпштейн); Методика диагностики показателей и форм агрессии (А. Басс, А. Дарки); Тест опережения уровня конфликтоустойчивости (Н.П. Фетискин и др.).

Результаты. В результате факторного анализа переменные «стресс», «враждебность», «раздражение» были объединены в фактор «паранойяльность» (подозрительность, мнительность, обидчивость, стресс и раздражительность). Переменные «вербальная агрессия», «физическая агрессия», «косвенная агрессия» и «негативизм» объединены в фактор «агрессия»

(противоречие нормам общества и направленность на причинение вреда окружающим). Переменные «эмпатия», «ассертивность» (–), «вина» объединены в фактор «терпимость» (сопереживание, стремление понять причины поведения другого, уступчивость и аутоагрессия из-за регулярного жертвования собственными интересами). Выявлено совместное влияние данных факторов на конфликтоустойчивость, суммарная дисперсия – 55%. «Паранойяльность» и «агрессия» снижают конфликтоустойчивость и способствуют конфликтостремлению, «терпимость» усиливает конфликтоустойчивость, но при высоких значениях вызывает конфликтоизбегание.

Основные выводы. Психологические диспозиции, влияющие на конфликтоустойчивость, могут быть объединены в три фактора: «паранойяльность», «агрессия», «терпимость», оказывающие разнонаправленное влияние. «Паранойяльность» и «агрессия» способствуют поведению конфликтостремления и снижают конфликтоустойчивость. «Терпимость» повышает конфликтоустойчивость, но способствует конфликтоизбеганию. Динамика конфликтоустойчивости может быть описана инвертированной V-образной кривой, которая показывает, что конфликтоустойчивость возникает в результате баланса выделенных факторов.

Ключевые слова: студенты, ассертивность, эмпатия, стресс, агрессия, конфликтоустойчивость, конфликтостремление, конфликтоизбегание.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта «Концепция устойчивого развития команд в организации», № 22-28-01232, <https://rscf.ru/project/22-28-01232/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитаты: Лепехин Н.Н., Круглов В.Г., Круглова М.А., Тихомирова Н.В., Яшина М.А. Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 92–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106>

Dispositional Predictors of Students' Conflict Resilience

Nikolai N. Lepekhin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>, e-mail: n.lepehin@spbu.ru

Vladimir G. Kruglov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>, e-mail: v.kruglov@spbu.ru

Marina A. Kruglova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>, e-mail: m.kruglova@spbu.ru

Nadezhda V. Tikhomirova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-8800>, e-mail: gipsr.tikhomirova@yandex.ru

Margarita A. Iashina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0909-5558>, e-mail: yashina.margarita.99@mail.ru

Objective. The study of dispositional predictors of students' conflict resilience.

Background. Against the background of the consequences of self-isolation and the limitations of real communication, it is relevant to study resilience to conflicts as an important communicative and

professional characteristic of social self-determination. The study of dispositional predictors of conflict resilience allows creating scientifically based programs for its formation among students.

Study design. *The influence of the severity of stress, aggression, empathy, assertiveness and other independent variables on conflict resilience, considered as a dependent variable, was studied. Statistical hypotheses were verified by means of factor analysis and structural equation modeling (SEM).*

Participants. *The sample consisted of students of the natural sciences and humanities faculties of St. Petersburg State University in the number of 205 people, 49 of them men (24%) and 156 women (76%), aged 17 to 27 years, the median value is 19 years.*

Methods (tools). *Questionnaire Determination of the level of conflict resilience (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov); Personality assertiveness test (V.P. Sheinov); PSM-25 psychological stress scale, in adaptation by Vodopyanova N.E.; diagnostic questionnaire for empathy A. Mehrabian, N. Epstein; diagnostic questionnaire for indicators and forms of aggression A. Bass, A. Darkey.*

Results. *Because of confirmatory factor analysis, the variables stress, hostility, irritation were combined into the factor “paranoia” (suspicion, suspiciousness, resentment, stress and irritability). The variables verbal, physical, indirect types of aggression and negativism are combined into the factor “aggressiveness” (contradiction to the norms of society and the focus on causing harm to others). The variables empathy, assertiveness (–), guilt are combined into the “tolerance” factor (empathy, the desire to understand the reasons for the behavior of another, compliance and auto-aggression due to regular sacrifice of one’s own interests). The joint influence of these factors on conflict resistance was revealed, the total variance is 55%. “Paranoia” and “aggression” reduce conflict resilience and promote conflict striving, “tolerance” enhances conflict resilience, but at high values, causes conflict avoidance.*

Conclusions. *Psychological dispositions that affect conflict resilience can be combined into three factors: paranoia, aggression, tolerance, which have a multidirectional effect. Paranoia and aggression promote conflict-seeking behavior and reduce conflict resilience. Tolerance increases conflict resilience, but contributes to conflict avoidance. This conflict resilience dynamics can be described by an inverted V-shaped curve, which shows that conflict resilience arises because of a balance of the identified factors.*

Keywords: *students, conflict resilience, assertiveness, empathy, stress, aggression.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 22-28-01232, <https://rscf.ru/project/22-28-01232/> at the St. Petersburg State University.

For citation: Lepekhin N.N., Kruglov V.G., Kruglova M.A., Tikhomirova N.V., Iashina M.A. Dispositional Predictors of Students’ Conflict Resilience. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 92–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106> (In Russ.).

Введение

Последствием ограничений социальной и физической активности в 2020–2021 гг. стало повышение уровня социального стресса. Исследователи отметили следующие тенденции: повышенный уровень одиночества, стресса, тревожности, депрессии, страха, симптомы интернализации, нарушение регуляции эмоций, повышение конфликтности и случаев насилия [30].

В данной связи актуальным является замечание Ф. Глазла, что в случае серьез-

ных общественных потрясений недостаточно использование только политических и экономических мер. «Лучшее решение состоит в развитии у многих людей социальных способностей, чтобы в конфликтных ситуациях они, насколько это возможно, были способны помочь себе сами» [26, с. 9].

Исследование конфликтоустойчивости в любой социальной структуре должно учитывать межуровневые взаимодействия и связи и поэтому должно

начинаться с факторов индивидуального уровня [36]. Признается необходимость «исследований, направленных на углубление понимания факторов возникновения и динамического развития конфликтного взаимодействия», среди которых важное значение играют негативные эмоции, аттитюды и личностные диспозиции, отвечающие за развертывание сценария конфликтного взаимодействия [23, с. 161–162].

Конфликтоустойчивость студентов как фактор позитивного социального самоопределения. Согласно Дж. Хекман, академические компетенции («hardskills») необходимы, но недостаточны, чтобы обеспечить достижение жизненных целей. Особую роль в достижении этих целей играют универсальные навыки («softskills»), используемые вместе с «hardskills» и дополняющие их. Эти навыки позволяют ориентироваться в социуме, сотрудничать с другими, конструктивно принимать совместные решения и достигать общих целей [37]. Студенты должны приобретать универсальные компетенции, одной из которых является конфликтоустойчивость.

Ю.П. Платонов отмечает, что конфликты молодых людей порождаются «обостренным чувством собственного достоинства, максимализмом, категоричностью критериев оценок фактов, событий, своего поведения, а в целом, недостаточно высоким уровнем Я-концепции» [20, с. 252].

Для снижения конфликтности в социуме образовательные программы должны быть направлены на развитие компетенций, связанных с конфликтоустойчивостью [3]. М.В. Ланских и соавторы пишут о целесообразности внедрения в систему профессиональной подготовки программ, направленных на формирование высокого уровня конфликтоустойчиво-

сти [11]. Отмечается необходимость научить студентов находить конструктивные способы разрешения конфликтных ситуаций на конкретных примерах [25]. М.М. Кашапов считает, что конфликтоустойчивость играет значительную роль в процессе адаптации будущих специалистов, которые должны быть готовы к определенным затруднениям конфликтного типа, возникающим в их деятельности [16]. Признается, что управление конфликтами является одной из важнейших функций конкурентоспособных выпускников как будущих сотрудников и руководителей организаций [39]. Конфликтоустойчивость является «важным качеством современного специалиста, которое помогает эффективно взаимодействовать, строить отношения, принимать разумные решения в непростых ситуациях» [15, с. 126].

Работодатели ожидают от будущего работника грамотного поведения в конфликте и ориентацию на сотрудничество. Для формирования конфликтоустойчивости предлагается обучать студентов работе в команде, обсуждению чужих точек зрения, учету интересов сторон, толерантности, разрешению конфликтов [41]. Игнорирование конфликта негативно сказывается на работе, поскольку «тлеющие» конфликты поглощают эмоциональную энергию и внимание, отрицательно влияя на прогресс проекта, однако если динамика не выходит из-под контроля и конфликты решаются осознанно, они способствуют развитию компетенций [38].

Недостаток конфликтоустойчивости усиливается при сокращении сферы непосредственного общения. Онлайн копинг-стратегия в ответ на негативный опыт реального взаимодействия нередко становится самым привычным и единственным способом совладания со

стрессом. Происходит преодоление гнева, страха и других негативных эмоций, но при этом не решается реальная проблема. Привычка к анонимному общению через интернет приводит к отмиранию навыков обсуждения лицом к лицу и уходу от решения проблем, что способствует закреплению конфликтоизбегания [32]. Сокращение сфер непосредственного общения может приводить к деструкции социального капитала как структуры, в которой уменьшается значение потребностей в принятии, любви, близости и заботе и нарастает отчужденность индивидов, рассматривающих других как социальную вещь [17]. Формирование диспозиций конфликтоустойчивости способствует социальному самоопределению студентов и оказывает влияние на культуру разрешения конфликтов в социуме [10].

Конфликтоустойчивость как интегральная характеристика поведения. Конфликтоустойчивое поведение находится в диапазоне между конфликтоизбеганием и конфликтостремлением [34]. Феноменология форм поведения в конфликте и механизмы их возникновения подробно изложены в современной литературе [8]. Обе крайности поведения в конфликте придают конфликту деструктивный характер, поскольку противоречия, лежащие в основе конфликта, не находят конструктивного разрешения [21, с. 39]. В организационной культуре наряду с деструктивными конфликтами присутствуют боязнь конфликта, стереотип, что конфликт несет в себе только негативные функции и способствует разрушению организации [12]. Конфликтоустойчивость занимает положение «золотой середины», которая, не замалчивая проблему и не разрушая отношения, позволяет конструктивно разрешать имеющиеся противоречия.

Д. Айзенберг описывает устойчивость как действия, направленные на управление поведением в условиях угроз, смысл которых не только в сопротивлении негативному сценарию, но и в том, чтобы вернуться в оптимальное состояние [33]. П. Аалл и К.А. Крокер описывают три основных способа устойчивого поведения: сопротивление конфликту; адаптация к конфликту при сохранении своей идентичности; радикальный сдвиг в структуре поведения при сохранении основной цели деятельности [28].

Психологическая устойчивость — это «сохранение оптимального функционирования психики в условиях фрустрирующего и стрессогенного воздействия трудных ситуаций» [2, с. 218]. Конфликтоустойчивость — «это специфическое проявление психологической устойчивости <...> способность оптимально организовать свое поведение в трудных ситуациях социального взаимодействия, бесконфликтно решать возникшие проблемы в отношениях с другими людьми» [2, с. 219–220]. На низком уровне устойчивости конфликт развивается из-за небольших противоречий, а на высоком — происходит сопротивление эскалации конфликта и конструктивное урегулирование противоречий [11]. Интегральную конфликтоустойчивость в социальных ситуациях обеспечивают мотивационный, эмоциональный, волевой, психомоторный компоненты [18].

Итак, конфликтоустойчивость — это поведение, связанное с сохранением психологического равновесия в конфликте, противодействием его эскалации, обсуждением и разрешением противоречий, позитивным изменением отношений сторон. Конфликтоустойчивость опирается на эмоциональные, коммуникативные, волевые диспозиции, определяющие конструктивное поведение на микро- и макроуровнях [13; 14].

Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости. Общим предиктором конфликтоустойчивости является эгоцентризм, который стремится защитить Я субъекта: или агрессивным путем, или путем избегания. Эгоцентризм мешает рассмотреть иные точки зрения, а сосредоточенность на своей защите не дает увидеть ресурсы для преодоления конфликта [34].

Г. Нотлаерс отмечает различие конфликтного поведения и агрессии. Конфликт может предполагать позитивные последствия, а агрессия совершается с прямым намерением причинить вред другому [40]. Конфликтоустойчивость направлена на отстаивание своих интересов, но она не перерастает в агрессивность к оппоненту.

Среди диспозиций, прогнозирующих высокий уровень конфликтоустойчивости, выделяют эмпатию и ассертивность [3]. Эмпатия как противоположность эгоцентризму способствует продуктивному разрешению конфликтов в молодежной среде, и чем выше у человека развита способность сочувствовать, сопереживать, ставить себя на место партнера по коммуникации, тем больше доверия и отклика у окружающих это вызывает [31]. Исследование участников молодежных клубов показало, что чем выше способность к эмпатии, тем реже юноша или девушка создают конфликты в общении [14].

Ассертивность предполагает уверенное выражение чувств и мыслей; конструктивную обратную связь; отстаивание своих интересов без ущемления интересов окружающих [27]. Ассертивность наряду с оптимизмом, стрессоустойчивостью, эмпатией является предиктором высокого уровня эмоционального интеллекта [29]. Также обнаружена положительная связь ассертивности и стрессоустойчивости [35].

Конфликтоустойчивость основывается на психологической устойчивости как способности справиться со стрессом [2, с. 218]. Стрессоустойчивость определяется как способность переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки. Студенты, обладающие высокой стрессоустойчивостью, не склонны к проявлению конфликтных намерений, и поэтому стрессоустойчивость можно рассматривать в качестве диспозиционного предиктора конфликтоустойчивости [1].

Теоретический анализ позволяет выдвинуть гипотезу, что диспозиционными предикторами конфликтоустойчивости студентов являются эмпатия, ассертивность, стрессоустойчивость и низкий уровень агрессивности.

Организация и методы эмпирического исследования

Целью эмпирического исследования явилось изучение влияния эмпатии, ассертивности, стрессоустойчивости и агрессивности на конфликтоустойчивость, а также оценка вклада данных переменных как предикторов конфликтоустойчивости студентов.

Выборка исследования. Выборку составили студенты естественных и гуманитарных факультетов СПбГУ в количестве 205 человек, из них — 49 мужчин (24%) и 156 женщин (76%) в возрасте от 17 до 27 лет, мода и медиана — 19 лет. Студенты 1-5 курсов бакалавриата и специалитета составили 85% выборки, а магистратуры — 15%.

Схема проведения исследования. Сбор данных осуществлялся с помощью онлайн google-формы. Ссылка в социальной сети «ВКонтакте» распространялась по научным обществам и советам биологического, медицинского, физического, юридического, филологического и дру-

гих факультетов СПбГУ. Google-форма включала: приветствие, демографическую анкету, шесть блоков вопросов с инструкциями, предложение получить обратную связь, благодарность за участие.

Методики исследования. Анкета демографического характера: пол, возраст, курс обучения, а также вопросы о количестве конфликтов в месяц.

«Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиена, Н. Эпштейна: включал 33 утверждения, с которыми следует согласиться либо не согласиться. Оценивался уровень способности к эмпатии: очень низкий, низкий, средний и высокий, границы уровней сдвигались в зависимости от пола респондента [19].

«Тест ассертивности» (В.П. Шейнов): предлагалось оценить по 4-балльной шкале встречаемость в своей жизни 26 ситуаций; определялся характер поведения: зависимый; ассертивный; агрессивный [27].

«Шкала психологического стресса PSM-25» в адаптации Н.Е. Водопьяновой: предлагалось оценить по 8-балльной шкале 25 описаний стресса; определялись низкий, средний и высокий уровни стресса [7].

«Методика диагностики показателей и форм агрессии» А. Басса, А. Дарки: предлагалось выразить свое согласие или несогласие по 75 утверждениям. Определялись оценки по восьми шкалам: физическая агрессия; косвенная агрессия; раздражение; негативизм; обида; подозрительность; вербальная агрессия; чувство вины [26].

«Определение уровня конфликтостойчивости» (Н.П. Фетискин и др.): 10 пар полярных суждений относительно поведения в ситуациях спора оценивались по 5-балльной шкале; определялся уровень устойчивости к конфликтам:

высокий, средний, низкий (конфликтность) и очень низкий (выраженная конфликтность).

Результаты использования методики описаны в статьях [11; 12; 22; 25; 26]. Наивысшие баллы по опроснику соответствуют конфликтоизбеганию («уклоняюсь от спора», «уступаю в споре»), а самые низкие баллы соответствуют конфликтостремлению («рвусь в спор», «легко завожусь»), и только средние баллы определяют конфликтоустойчивость. В качестве групп были выделены респонденты с высоким, средним и низким уровнями конфликтостойчивости по тесту. Дисперсионный анализ выявил статистические различия трех групп ($N = 205$, $F = 38,57$, $p < 0,000$), что позволило обосновать возможность диагностики трех форм поведения:

– конфликтоизбегание, боязнь конфликтов, предпочтение стратегии избегания и приспособления – 40–50 баллов;

– конфликтостойчивость, ориентация личности на сотрудничество или компромисс в решении противоречий, понимание, что конфликт имеет и конструктивные функции – 30–39 баллов;

– конфликтостремление, ориентация на соперничество – 20–29 баллов.

Методы математико-статистической обработки данных.

Распределение измеряемых переменных удовлетворяет проверке на нормальность по критерию Колмогорова-Смирнова ($p > 0,05$) и другим, что позволило применить методы факторного анализа. Эксплораторный факторный анализ (ЭФА) был применен для снижения размерности входных переменных. Конфирматорный факторный анализ (КФА) использовался для построения уточненной факторной модели. Моделирование структурными уравнениями позволило

объединить результаты факторного и регрессионного анализов и представить итоговую структурную модель предикторов конфликтоустойчивости. Для обработки данных применялись программы SPSS Statistics и AMOS 22.0.

Результаты

Количество конфликтов: 46% студентов имеют в месяц 1 и менее конфликтов, 47% — 2–5 конфликтов, 7% — 6 и более конфликтов, от 35 до 50% конфликтов происходят в учебной группе.

Причины конфликтов:

— недопонимание между одногруппниками, разногласия, разные мнения, восприятие ситуации, двусмысленные фразы, неудачные шутки — 22%;

— особенности характеров и темпераментов — агрессивность, грубость, эгоизм, борьба за лидерство, демонстративность, повышенная инициативность, низкий уровень ответственности, чрезмерная активность, наглость, импульсивность, навязчивость, надменность, мнительность, невнимательность, тревожность — 14%;

— полярные мнения, нетерпимость к другой точке зрения, столкновение ценностных ориентаций и мировоззрений, различная мотивация обучения — 8%;

— неумение работать в группе, распределение обязанностей, затаенность обсуждений, борьба за статус и влияние — 12%;

— отсутствие переговорных компетенций, чувства такта, эмпатии, личные столкновения — 6%;

— организация учебного процесса: поведение преподавателей, отношение к преподавателю и борьба за его внимание, температура и проветривание в аудитории, распределение учебников, искажение информации при передаче заданий преподавателя — 11%.

Различия между юношами и девушками. Показатели переживаемого стресса, эмпатии, чувства вины и конфликтоустойчивости у девушек выше, чем у юношей. У юношей больше, чем у девушек, выражены показатели assertивности, вербальной и физической агрессии (t -критерий, $0,05 > p > 0,001$).

Возрастные различия. Дисперсионный анализ показателей групп 17–19 лет, 20–22 года, 23–27 лет обнаружил снижение уровня переживаемого стресса, возрастание показателей assertивности и косвенной агрессии ($0,05 > p > 0,01$). Других значимых возрастных различий обнаружено не было.

Различия выраженности стресса, assertивности и конфликтоустойчивости у студентов бакалавриата и магистратуры. У студентов магистратуры по сравнению с бакалаврами меньше выражен уровень переживаемого стресса, более высокий показатель assertивности, а также показатель конфликтоустойчивости (t -критерий; $0,05 > p > 0,01$). По остальным показателям статистических различий не обнаружено.

Определение факторов конфликтоустойчивости посредством факторного анализа: ЭФА и КФА. Для факторизации входных переменных использовался метод максимального правдоподобия с показателями: КМО = 0,752; критерий Бартлетта — хи-квадрат = 687,7 при $p < 0,001$ и выделено три фактора с полнотой факторизации 55%. В связи с наличием переменных в разных факторах был проведен подтверждающий факторный анализ (КФА) и получена факторная модель с критериями согласия: хи-квадрат = 27,836; $df = 21$; $p = 0,145$; $CMIN/df = 1,326$; $GFI = 0,974$; $AGFI = 0,933$; $CFI = 0,99$; $RMSEA = 0,04$, которая позволяет дать описание факторов и их интерпретацию.

Фактор 1 объединил стресс, раздражение (вспыльчивость, грубость), враждебность как интеграцию обиды и подозрительности (недоверия, осторожности по отношению к людям, опасения, что они могут нанести вред), объясняет 22% дисперсии. Этот фактор можно назвать «Паранойяльность» — склонность усматривать у окружающих людей агрессивные проявления без достаточных на то оснований, повышенная подозрительность и болезненная обидчивость, влекущие за собой психологическую напряженность и раздражительность.

Фактор 2 объединил раздражение, негативизм (протестность), физическую, вербальную и косвенные формы агрессии, объясняет 21% дисперсии. Этот фактор можно назвать «Агрессия» — предрасположенность к поведению, противоречащему нормам сосуществования людей, направленному на причинение физического и/или морального вреда окружающим.

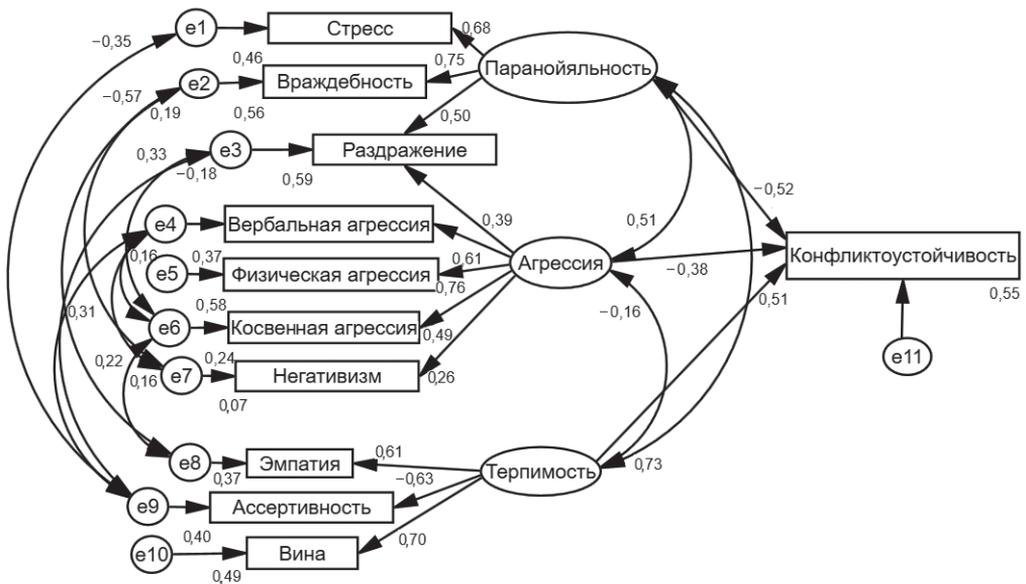
Фактор 3 объединил эмпатию, вину (аутоагрессию) и склонность к зависимому поведению (ассертивность с отрицательным знаком), объясняет 12% дисперсии. Этот фактор можно назвать «Терпимость» — способность к сопереживанию и стремление понять причины чужого поведения, уступчивость и жертвование своими интересами, внутренняя напряженность в связи с регулярным отказом от своих интересов в пользу окружающих.

Построение структурной модели диспозиционных предикторов конфликтоустойчивости. Структурная модель конфликтоустойчивости получена в программной среде AMOS (Analysis of Moment Structures) с критериями согласия: хи-квадрат = 41,685; $df = 30$; $p = 0,076$; $RMSEA = 0,044$, что подтверждает состоятельность модели и возможность ее интерпретации.

Модель представлена на рис. 1. Слева направо показаны: входные переменные (прямоугольники); факторы, выделенные в результате КФА (овалы); выходная переменная — конфликтоустойчивость (прямоугольник с коэффициентом 0,55, показывающим, что выделенные факторы суммарно объясняют 55% дисперсии влияния на конфликтоустойчивость). Односторонние стрелки с числовыми значениями регрессионных коэффициентов β (стандартизированные бета) описывают прямые эффекты (direct effects), отражающие вклад каждого фактора в дисперсию конфликтоустойчивости.

Переменные «враждебность», «стресс», «раздражение» образуют фактор «Паранойяльность» с отрицательным вкладом влияния на конфликтоустойчивость ($\beta = -0,52$). Переменные «физическая агрессия», «вербальная агрессия», «косвенная агрессия», «негативизм» и «раздражение» образуют фактор «Агрессия» с отрицательным вкладом влияния на конфликтоустойчивость ($\beta = -0,38$). Переменные «эмпатия», «аутоагрессия», «зависимое поведение» (–ассертивность) образуют фактор «Терпимость» с положительным вкладом влияния на конфликтоустойчивость ($\beta = 0,51$). Значимость влияния каждого из данных факторов статистически достоверна, $p < 0,001$. Знак регрессионных коэффициентов показывает, что факторы «Паранойяльность» и «Агрессия» отрицательно связаны с конфликтоустойчивостью, а фактор «Терпимость» — положительно.

Модель также показывает взаимное влияние выделенных факторов. Сильная положительная связь (0,51) обнаружена между факторами «Паранойяльность» и «Агрессия», а также между факторами «Паранойяльность» и «Терпимость». Фактор «Паранойяльность» значимо

хи-квадрат = 41,685; df = 30; p = ,076; RMSEA = ,044

Рис. 1. Структурная модель предикторов конфликтоустойчивости: e1–e11 — названия входных и выходной (конфликтоустойчивость) переменных; рядом с односторонними стрелками указаны значения β — стандартизованных коэффициентов регрессии, позволяющих оценить величину вклада влияния переменной в направлении стрелки; двусторонние стрелки с коэффициентами отражают взаимную корреляцию пар переменных

коррелирует с фактором «Агрессия», что может быть объяснено вкладом общей переменной «раздражение», а также взаимосвязями враждебности и негативизма; раздражения и косвенной агрессии. Фактор «Паранойальность» также значимо коррелирует с фактором «Терпимость», что может быть объяснено отрицательной взаимосвязью переменных «ассертивность» и «стресс», а также переменных «эмпатия» и «враждебность». Также присутствует небольшая отрицательная взаимосвязь факторов «Агрессия» и «Терпимость».

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что конфликтоустойчивость не развивается сама по себе в процессе взросления

человека, а скорее является результатом позитивного анализа конфликтных ситуаций. Этим можно объяснить отсутствие влияния фактора возраста на конфликтоустойчивость и в то же время различие в выраженности конфликтоустойчивости у студентов бакалавриата и магистратуры.

Конфликтоустойчивость — это сложный конструкт, находящийся под влиянием трех групп главных предикторов, которые можно объединить в факторы «Паранойальность», «Агрессия» и «Терпимость», суммарно объясняющих 55% дисперсии, что говорит о возможности влияния на конфликтоустойчивость других характеристик, например, ситуационных и личностных детерминант, связанных с восприятием межкультурного контекста ситуации [4].

Диспозиции, объединенные фактором «Агрессия», — вербальная, косвенная, физическая формы агрессии, а также негативизм; диспозиции, объединенные фактором «Паранойяльность», — уровень переживаемого стресса, враждебность, раздражительность совместно способствуют поведению конфликтостремления, что полностью соответствует теоретическим предпосылкам.

Сравнивая эти две группы предикторов, можно отметить, что диспозиции фактора «Паранойяльность» отражают наличие внутреннего конфликта как потенциала конфликтного поведения, тогда как диспозиции фактора «Агрессия» отражают готовность к его прямой реализации.

Влияние диспозиций внутреннего потенциала конфликта (фактор «Паранойяльность») выражается коэффициентом регрессии $\beta = -0,52$, что превышает влияние диспозиций прямой агрессии ($\beta = -0,38$). Возможно, это отражает стремление респондентов-студентов смещать самооценки своих диспозиций в сторону социальной желательности. Агрессия порицается как обществом, так и культурой вуза, тогда как при переживании стресса и негативных чувств к коллеге внешняя атрибуция более извинительна и может быть приписана влиянию факторов ситуации.

В аспекте профилактики конфликтов различия коэффициентов регрессии позволяют предположить, что только при превышении порога стрессоустойчивости у субъекта начинает реализовываться внешняя агрессия, сначала в косвенной и вербальной, а затем и в физической формах. Соответственно, профилактика, направленная на снижение конфликтности, должна прежде всего предусматривать снижение уровня переживаемого стресса.

Более сложной является интерпретация влияния предикторов, объеди-

ненных в факторе «Терпимость», в который вошли эмпатия, ассертивность и вина. Эмпатия является качеством, способствующим профилактике и урегулированию конфликта. В нашей модели эмпатия отрицательно связана с враждебностью ($\beta = -0,57$), но также и позитивно, хотя и незначительно, с косвенной агрессией ($\beta = 0,22$). Исследование студентов медвузов показало высокую связь конфликтоустойчивости и принятия других [5]. На наш взгляд, позитивная связь эмпатии с косвенной агрессией показывает, что эмпатия, как и принятие других, позволяет отрефлексировать, понять и выразить отрицательную оценку другого наиболее неагрессивным способом и при этом не накапливать агрессивные чувства в себе.

Подобной амбивалентностью обладает и ассертивность. Ассертивность как установка на открытое выражение чувств и интересов отрицательно связана с уровнем стресса, переживаемого субъектом, что видно на диаграмме ($\beta = -0,35$). Это подтверждает позитивную функцию ассертивности, связанную с открытым высказыванием своих чувств, как позитивных, так и негативных. В то же время ассертивность, хотя и незначительно, связана с вербальной агрессией ($\beta = 0,22$), т.е. может использоваться для защиты своих интересов в вербальной форме. Поэтому «Терпимость» как фактор конфликтоустойчивости включает ассертивность со знаком минус ($\beta = -0,63$), т.е. «Терпимость» фактически основывается не на ассертивном, а на противоположном ему зависимом поведении.

В фактор «Терпимость» также с высоким влиянием входит переменная «вина» ($\beta = 0,70$), которую можно интерпретировать как аутоагрессию, перенаправленную с партнера на себя, что, безусловно,

можно рассматривать как предиктор конфликтоизбегания, т.е. неконструктивного поведения в конфликте.

Характер влияния позволяет говорить о нелинейной зависимости конфликтоустойчивости от выделенных факторов. Эта нелинейная зависимость выражается в том, что, с одной стороны, нарастание влияния факторов «Паранойяльность» и «Агрессия» ожидаемо приводит к конфликтостремлению и снижению конфликтоустойчивости, но, с другой стороны, влияние фактора «Терпимость», тормозящего конфликтостремление, с определенного уровня приводит к конфликтоизбеганию. Таким образом, совместное влияние факторов «Агрессия», «Паранойяльность» и «Терпимость» на конфликтоустойчивость можно описать инвертированной V-образной кривой, представленной на рис. 2.

На рис. 2 показано, что оптимум конфликтоустойчивого поведения в конкретной ситуации присутствует в случае сбалансированного влияния всех трех факторов. При малых значениях факторов «Паранойяльность» и «Агрессия» и одновременно больших значениях фактора «Терпимость» наблюдается поведение конфликтоизбегания. Тогда как при больших значениях факторов «Паранойяльность» и «Агрессия» и одновременно малых значениях фактора «Терпимость» наблюдается поведение конфликтостремления.

Результаты показывают, что конфликтоустойчивое поведение опирается на ряд универсальных диспозиций: эмпатии, асертивности, стрессоустойчивости и низкой предрасположенности к агрессии. Задача формирования конфликтоустойчивости студентов требует дальнейшей разработки программ для

Рис. 2. Инвертированная V-образная кривая конфликтоустойчивости

специалистов помогающих профессий или работающих в условиях повышенного стресса [6]. В приеме специалистов с позитивным социальным самоопределением, способных повысить конфликтостойчивость организаций, заинтересованы службы персонала [24].

Ограничения данного исследования. Выборка исследования не является равномерной по соотношению женского и мужского пола: 156 (76%) девушек и 49 (24%) юношей, что могло отразиться на факторизации переменных: стресса, эмпатии, агрессивности и ассертивности.

Выводы

1. Конфликтостойчивость поведения (conflict resilience) опирается на диспозиции, которые в ситуации конфликта помогают организовать поведение таким образом, чтобы не допускать эскалации конфликта и ассертивно отстаивать свои интересы.

2. Диспозиции, влияющие на изменение поведения от конфликтостремления к конфликтостойчивости и далее к конфликтоизбеганию, могут быть объединены в три фактора: «Паранойяльность» (враждебность, стресс, раздражение); «Агрессия» (негативизм, физическая, вербальная, косвенная формы агрессии); «Терпимость» (эмпатия, вина, зависимое поведение).

3. Диспозиционные предикторы конфликтостремления объединены фактором «Паранойяльность» (переживаемый стресс, враждебность, раздражительность), показывающим уровень скрытого конфликтного потенциала, и фактором «Агрессия» (негативизм, вербальная, косвенная, физическая агрессия), выражающим внешнюю форму конфликтного поведения.

4. Диспозиционные предикторы конфликтоизбегания объединены фак-

тором «Терпимость» (эмпатия, зависимость и вина).

5. Конфликтостойчивость поведения в конкретной ситуации взаимодействия определяется уравновешивающим балансом низкого уровня факторов «Паранойяльность» и «Агрессия» и высокого уровня фактора «Терпимость». При увеличении влияния факторов «Паранойяльность» и «Агрессия» возрастает конфликтостремление, а увеличение влияния фактора «Терпимость» способствует конфликтоизбеганию.

6. Конфликтостойчивость является универсальной компетенцией, в основе которой лежат стрессоустойчивость, эмпатия, ассертивная коммуникация, отсутствие установки на агрессию как способ отстаивания своих интересов.

Заключение

Конфликтостойчивое поведение способствует оптимальному социальному самоопределению, препятствует психологическому выгоранию и повышает уровень психологического благополучия при выполнении учебной и профессиональной деятельности [1]. Полученные результаты выделили лишь часть диспозиций конфликтостойчивости, характерных для взаимодействия в студенческой среде. Увеличение размера выборки позволит ввести в модель дополнительные переменные без ущерба для точности модели.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения структуры и специфики конфликтостойчивого поведения в микро- и макросреде. Это даст возможность создания научно обоснованных программ формирования оптимального уровня конфликтостойчивости для различных сфер деятельности.

Литература

1. *Абраменко Е.В., Ефимов Е.Г.* Исследование стрессоустойчивости и конфликтности в контексте психологической безопасности студента // Казанский педагогический журнал. 2019. № 3(134). С. 89–93.
2. *Анциупов А.Я., Шитилов А.И.* Конфликтология: учебник. СПб.: Питер, 2020. 560 с.
3. *Афанасенко М.С., Гришай Ж.Г., Зенина Ю.М.* Снижение конфликтности в обществе как функция образования и воспитания молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 2–5.
4. *Батхина А.А., Лебедева Н.М.* Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 1. С. 70–91. DOI:10.17759/sps.2019100105
5. *Валиуллина Е.В.* Конфликтоустойчивость и принятие других у студентов медицинского вуза в рамках компетентностного подхода // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 4. С. 53–57.
6. *Васильев Н.Н.* Формирование конфликтологической компетентности у педагогов-психологов средствами психологического тренинга // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51–2. С. 312–318.
7. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. 343 с. (Профессиональная практика).
8. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 3-е изд., СПб: «Питер», 2018. 576 с.
9. *Кашапов М.М., Огородова Т.В., Филиппович Х.Н.* Типы реагирования в конфликте и их связь с доминирующими психическими состояниями спортсменов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 182–192.
10. *Кутумова А.К., Неустроева А.Б.* Факторы конфликтности студенческой среды Республики Саха (Якутия) // Конфликтология. 2021. № 1. С. 43–53. DOI:10.7256/2454-0617.2021.1.33329
11. *Ланских М.В., Кучерявенко И.А., Ткаченко Н.С.* Формирование конфликтоустойчивости современных студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 51–5. С. 548–555.
12. *Ланских М.В., Пономарев А.С.* Формирование конфликтоустойчивости сотрудников организации // Научные ведомости: серия Гуманитарные науки. 2016. № 7(29). С. 167–173.
13. *Лепехин Н.Н.* Конфликт-менеджмент в организации: от урегулирования к трансформации конфликта // Петербургский психологический журнал. 2012. № 1. С. 1–35.
14. *Лепехин Н.Н., Тихомирова Н.В.* Психологические предикторы устойчивости молодежи в конфликте // Материалы III Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов «Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира» (г. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г.). СПб: СПбГУ, 2019. С. 206–209.
15. *Маркова Н.Г.* Конфликтоустойчивость как конструктивное качество личности // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 3–2(67). С. 125–126.
16. *Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. Ярославль, 2012. 428 с.*
17. *Миронова А.А.* Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 5–21. DOI:10.17759/sps.2022130101
18. *Митяева А.М.* Конфликтологическая компетентность будущего специалиста как предмет научного исследования // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4(48). С. 273–280.
19. *Основы психологии: практикум / ред.-сост. Столяренко Л.Д.* Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. 426 с.

20. *Платонов Ю.П.* Практическая конфликтология: учебное пособие. СПб: Речь, 2009. 376 с.
21. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: факторы формирования и объективация // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 29–59.
22. *Тихомирова Н.В., Лепехин Н.Н.* Психологические предикторы конфликтоустойчивости студентов // Сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых «Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике» (г. Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2021 г.) / Под ред. Шабольтас А.В. СПб: СПбГУ, 2021. С. 192–193.
23. *Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В.* Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 159–173. DOI:10.17759/sps.2022130110
24. *Ушамирский А.Э.* Социальные конфликты в представлениях молодежи // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1(143). С. 53–60.
25. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
26. *Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А.* Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки (методические рекомендации). Кемерово: Кузбасская государственная педагогическая академия. Факультет педагогики и психологии. Лаборатория психологических исследований, 2005. 69 с.
27. *Шейнов В.П.* Ассертивное поведение: преимущества и восприятие // Современная зарубежная психология. 2014. № 3(2). С. 107–120.
28. *Aall P., Crocker C.A.* Building Resilience and Social Cohesion in Conflict // Global Policy. 2019. Vol. 10(S2). P. 68–75.
29. *Afolabi O.A.* Indigenous emotional intelligence scale: Development and validation // Psychological Thought. 2017. Vol. 10. № 1. P. 138–154.
30. *Chew Q.H., Wei K.C., Vasoo S., Chua H.C., Sim K.* Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic // Singapore Medical Journal. 2020. Vol. 61. № 7. P. 350–356.
31. *Courtain A., Glowacz F.* Youth's Conflict Resolution Strategies in their Dating Relationships // Journal of Youth and Adolescence. 2019. Vol. 48. № 2. P. 256–268.
32. *Duvenage M., Correia H., Uink B., Barber B.L., Donovan C.L., Modecki K.L.* Technology can sting when reality bites: Adolescents' frequent online coping is ineffective with momentary stress // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 102. P. 248–259.
33. *Eisenberg D.* Think of Resilience as a Verb, Not a Noun [Электронный ресурс] // Resilience Engineering Association. 2020. URL: <https://www.resilience-engineering-association.org/blog/2020/04/06/think-of-resilience-as-a-verb-not-a-noun/> (дата обращения: 19.04.2020).
34. *Glasl F.* Selbsthilfe in Konflikten: Konzepte – Übungen – praktische Methoden. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben – Bern: Haupt Verlag, 2015. 214 p.
35. *Hamilton D.* Examining perception of emotional intelligence in online professors // Journal of Educational Multimedia and Hypermedia. 2018. Vol. 27. № 1. P. 63–81.
36. *Hartmann S. et al.* Resilience in the Workplace: A Multilevel Review and Synthesis // Psychology: An International Review. 2020. Vol. 69. № 3. P. 913–959.
37. *Heckman J.J., Corbin C.O.* Capabilities and Skills // Journal of Human Development and Capabilities. 2016. Vol. 17. № 3. P. 342–359.
38. *Konrad T., Wiek A., Barth M.* Embracing conflicts for interpersonal competence development in project-based sustainability courses // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2020. Vol. 21. № 1. P. 76–96.

39. *Motornaya S.E.* Managing conflict situations for contemporary youth: Discourse and choice of strategy // *Espacios*. 2019. Vol. 40. № 17. P. 894–910.
40. *Notelaers G., Van der Heijden B., Guenter H., Nielsen M.B., Einarsen S.V.* Do Interpersonal Conflict, Aggression and Bullying at the Workplace Overlap? A Latent Class Modeling Approach // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 1743.
41. *Pender E.R., Elgoibar P., Munduate L., Garcia A.B., Euzema M.C.* Improving social dialogue: What employers expect from employee representatives // *Economic and Labour Relations Review*. 2018. Vol. 29. № 2. P. 169–189.

References

1. Abramenko E.V., Efimov E.G. Issledovanie stressoustoichivostii konfliktnosti v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti studenta [Study of stress resistance and conflict in the context of student's psychological safety]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2019, no. 3(134), pp. 89–93. (In Russ.).
2. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. Konfliktologiya: uchebnik [Conflictology: textbook]. Saint-Petersburg: Publ. "Piter", 2020. 560 p. (In Russ.).
3. Afanasenko M.S., Grishai Zh.G., Zenina Yu.M. Snizhenie konfliktnosti v obshchestve kak funktsiya obrazovaniya i vospitaniya molodezhi [Reducing conflict in society as a function of education and upbringing of youth]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2018, no. 4, pp. 2–5. (In Russ.).
4. Batkhina A.A., Lebedeva N.M. Prediktory vybora russkimi strategii povedeniya v mezhkul'turnom konflikte [Predictors of the Russians' Choice of Behavior Strategy in Intercultural Conflict]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 70–91. DOI:10.1775.sps.2019100105 (In Russ.).
5. Valiullina E.V. Konfliktoustoichivost' i prinyatie drugikh u studentov meditsinskogo vuza v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda [Conflict resistance and acceptance of others among students of a medical university in the framework of a competency-based approach]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific Review*, 2020, no. 4, pp. 53–57. (In Russ.).
6. Vasil'ev N.N. Formirovanie konfliktologicheskoi kompetentnosti u pedagogov-psikhologov sredstvami psikhologicheskogo treninga [Formation of conflictological competence among educational psychologists by means of psychological training]. *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2016, no. 51–2, pp. 312–318. (In Russ.).
7. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika: prakticheskoe posobie [Diagnosis and prevention: a practical guide]. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Publ. "Yurait", 2017. 343 p. (Professional'naya praktika [Professional practice]). (In Russ.).
8. Grishina N. Psikhologiya konflikta [Psychology of conflict]. 3-e izd., Saint-Petersburg: Publ. "Piter", 2018. 576 p. (In Russ.).
9. Kashapov M.M., Ogorodova T.V., Filippovich Kh.N. Tipy reagirovaniya v konflikte i ikh svyaz' s dominiruyushchimi psikhicheskimi sostoyaniyami sportsmenov [Types of response in conflict and their connection with the dominant mental states of athletes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 182–192. (In Russ.).
10. Kutumova A.K., Neustroeva A.B. Faktory konfliktogenosti studencheskoi sredy Respubliki Sakha (Yakutiya) [Factors of conflictogenicity of the student environment of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2021, no. 1, pp. 43–53. DOI:10.7256/2454-0617.2021.1.33329 (Accessed 16.07.2022). (In Russ.).
11. Lanskih M.V., Kucheryavenko I.A., Tkachenko N.S. Formirovanie konfliktoustoichivosti sovremennykh studentov [Formation of conflict resistance of modern students]. *Problemy*

sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education, 2016, no. 51–5, pp. 548–555. (In Russ.).

12. Lanskiikh M.V., Ponomarev A.S. Formirovanie konfliktoustoichivosti sotrudnikov organizatsii [Formation of conflict resistance of employees of the organization]. *Nauchnye vedomosti: seriya Gumanitarnye nauki = Nauchnye Vedomosti: Humanities series*, 2016, no. 7(29), pp. 167–173. (In Russ.).

13. Lepikhin N.N. Konflikt-menedzhment v organizatsii: ot uregulirovaniya k transformatsii konflikta [Conflict management in an organization: from conflict resolution to transformation]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = Petersburg Psychological Journal*, 2012, no. 1, pp. 1–35. (In Russ.).

14. Lepikhin N.N., Tikhomirova N.V. Psikhologicheskie prediktory ustoichivosti molodezhi v konflikte [Psychological predictors of youth stability in conflict]. *Materialy III Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov "Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira"* (g. Sankt–Peterburg, 15–16 noyabrya 2019 g.) [Proceedings of the III of the III St. Petersburg International Congress of Conflictologists "Conflictology of the XXI century. Ways and means of strengthening peace"]. Sankt-Petersburg: Publ. SPBU, 2019, pp. 206–209. (In Russ.).

15. Markova N.G. Konfliktoustoichivost' kak konstruktivnoe kachestvo lichnosti [Conflict resistance as a constructive quality of personality]. *Novaya nauka: problemy i perspektivy = New science: problems and prospects*, 2016, no. 3–2(67), pp. 125–126. (In Russ.).

16. Metakognitivnye osnovy konfliktnoi kompetentnosti [Metacognitive foundations of conflict competence]. In prof. Kashapov M.M. Yaroslavl': Publ. YarGU, 2012. 428 p. (In Russ.).

17. Mironova A.A. Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii i sotsial'nyi kapital: priroda vzaimosvyazi [The use of information and communication technologies and social capital: the nature of the relationship]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 5–21. DOI:10.17759.sps.2022130101 (In Russ.).

18. Mityaeva A.M. Konfliktologicheskaya kompetentnost' budushchego spetsialista kak predmet nauchnogo issledovaniya [Conflictological competence of a future specialist as a subject of scientific research]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences*, 2012, no. 4(48), pp. 273–280. (In Russ.).

19. Osnovy psikhologii: praktikum [Fundamentals of psychology: workshop]. In Stolyarenko L.D. Rostov-na-Donu: Publ. "Feniks", 2016. 426 p. (In Russ.).

20. Platonov Yu.P. Prakticheskaya konfliktologiya: uchebnoe posobie [Practical conflictology: textbook]. Saint-Petersburg: Publ. "Rech'", 2009. 376 p. (In Russ.).

21. Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya model' kognitivnogo sotsial'nogo kapitala organizatsii: factory formirovaniya i ob'ektivatsiya [Socio-psychological model of the organization's cognitive social capital: factors of formation and objectification]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 29–59. (In Russ.).

22. Tikhomirova N.V., Lepikhin N.N. Psikhologicheskie prediktory konfliktoustoichivosti studentov [Psychological predictors of students' conflict tolerance]. In Shabolta A.V. *Sbornik tezisov uchastnikov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh "Psikhologiya XXI veka"*. *Psikhologicheskie issledovaniya: ot teorii k praktike* (g. Sankt-Peterburg, 21–23 aprelya 2021 g.) [Proceedings of the international scientific conference of young scientists "Psychology of the XXI century". *Psychological research: from theory to practice*]. Saint-Petersburg: Publ. SPBU, 2021, pp. 192–193. (In Russ.).

23. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Stsenarii lichnoi bezopasnosti sub"ekta konfliktnogo vzaimodeistviya [Scenarios of personal security of the subject of conflict interaction]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 159–173. DOI:10.17759.sps.2022130110 (In Russ.).

24. Ushamirskii A.E. Sotsial'nye konflikty v predstavleniyakh molodezhi [Social conflicts in the minds of young people]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2020, no. 1(143), pp. 53–60. (In Russ.).
25. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Publ. Instituta Psikhoterapii, 2002. 490 p. (In Russ.).
26. Khvan A.A., Zaitsev Yu.A., Kuznetsova Yu.A. Standartizirovannyi oprosnik izmereniya agressivnykh i vrazhdebnykh reaktsii A. Bassa i A. Darki (metodicheskie rekomendatsii) [Standardized questionnaire for measuring aggressive and hostile reactions by A. Bass and A. Darki (guidelines)]. Kemerovo: Publ. Kuzbasskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya. Fakul'tet pedagogiki i psikhologii. Laboratoriya psikhologicheskikh issledovaniy, 2005. 69 p. (In Russ.).
27. Sheinov V.P. Assertivnoe povedenie: preimushchestva i vospriyatie [Assertive behavior: advantages and perception]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2014, no. 3(2), pp. 107–120. (In Russ.).
28. Aall P., Crocker C.A. Building Resilience and Social Cohesion in Conflict. *Global Policy*, 2019. Vol. 10(S2), pp. 68–75.
29. Afolabi O.A. Indigenous emotional intelligence scale: Development and validation. *Psychological Thought*, 2017. Vol. 10, no. 1, pp. 138–154.
30. Chew Q.H., Wei K.C., Vasoo S., Chua H.C., Sim K. Narrative synthesis of psychological and coping responses towards emerging infectious disease outbreaks in the general population: practical considerations for the COVID-19 pandemic. *Singapore Medical Journal*, 2020. Vol. 61, no. 7, pp. 350–356.
31. Courtain A., Glowacz F. Youth's Conflict Resolution Strategies in their Dating Relationships. *A. Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48, no. 2, pp. 256–268.
32. Duvenage M., Correia H., Uink B., Barber B.L., Donovan C.L., Modecki K.L. Technology can sting when reality bites: Adolescents' frequent online coping is ineffective with momentary stress. *Computers in Human Behavior*, 2020. Vol. 102, pp. 248–259.
33. Eisenberg D. Think of Resilience as a Verb, Not a Noun [Electronic resource]. *Resilience Engineering Association*, 2020. URL: <https://www.resilience-engineering-association.org/blog/2020/04/06/think-of-resilience-as-a-verb-not-a-noun/> (Accessed 19.04.2020).
34. Glasl F. Selbsthilfe in Konflikten: Konzepte – bungen – praktische Methoden. Stuttgart: VerlagFreies Geistesleben – Bern: Haupt Verlag, 2015. 214 p.
35. Hamilton D. Examining perception of emotional intelligence in online professors. *Journal of Educational Multimedia and Hypermedia*, 2018. Vol. 27, no. 1, pp. 63–81.
36. Hartmann S. et al. Resilience in the Workplace: A Multilevel Review and Synthesis. *Applied Psychology: An International Review*, 2020. Vol. 69, no. 3, pp. 913–959.
37. Heckman J.J., Corbin C.O. Capabilities and Skills. *Journal of Human Development and Capabilities*, 2016. Vol. 17, no. 3, pp. 342–359.
38. Konrad T., Wiek A., Barth M. Embracing conflicts for interpersonal competence development in project-based sustainability courses. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 2020. Vol. 21, no. 1, pp. 76–96.
39. Motornaya S.E. Managing conflict situations for contemporary youth: Discourse and choice of strategy. *Espacios*, 2019. Vol. 40, no. 17, pp. 894–910.
40. Notelaers G., Van der Heijden B., Guenter H., Nielsen M.B., Einarsen S.V. Do Interpersonal Conflict, Aggression and Bullying at the Workplace Overlap? A Latent Class Modeling Approach. *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 1743.
41. Pender E.R., Elgoibar P., Munduate L., Garcia A.B., Euwema M.C. Improving social dialogue: What employers expect from employee representatives. *Economic and Labour Relations Review*, 2018. Vol. 29, no. 2, pp. 169–189.

Информация об авторах

Лепехин Николай Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>, e-mail: n.lepehin@spbu.ru

Круглов Владимир Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>, e-mail: v.kruglov@spbu.ru

Круглова Марина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>, e-mail: m.kruglova@spbu.ru

Тихомирова Надежда Викторовна, магистр, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-8800>, e-mail: gipsr.tikhomirova@yandex.ru

Яшина Маргарита Алексеевна, студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0909-5558>, e-mail: yashina.margarita.99@mail.ru

Information about the authors

Nikolai N. Lepeshin, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Ergonomics and Engineering Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9160-0519>, e-mail: n.lepehin@spbu.ru

Vladimir G. Kruglov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Ergonomics and Engineering Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-5476>, e-mail: v.kruglov@spbu.ru

Marina A. Kruglova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Ergonomics and Engineering Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7959-7097>, e-mail: m.kruglova@spbu.ru

Nadezhda V. Tikhomirova, Master, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1904-8800>, e-mail: gipsr.tikhomirova@yandex.ru

Margarita A. Iashina, Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0909-5558>, e-mail: yashina.margarita.99@mail.ru

Получена 24.03.2022

Received 24.03.2022

Принята в печать 25.01.2023

Accepted 25.01.2023